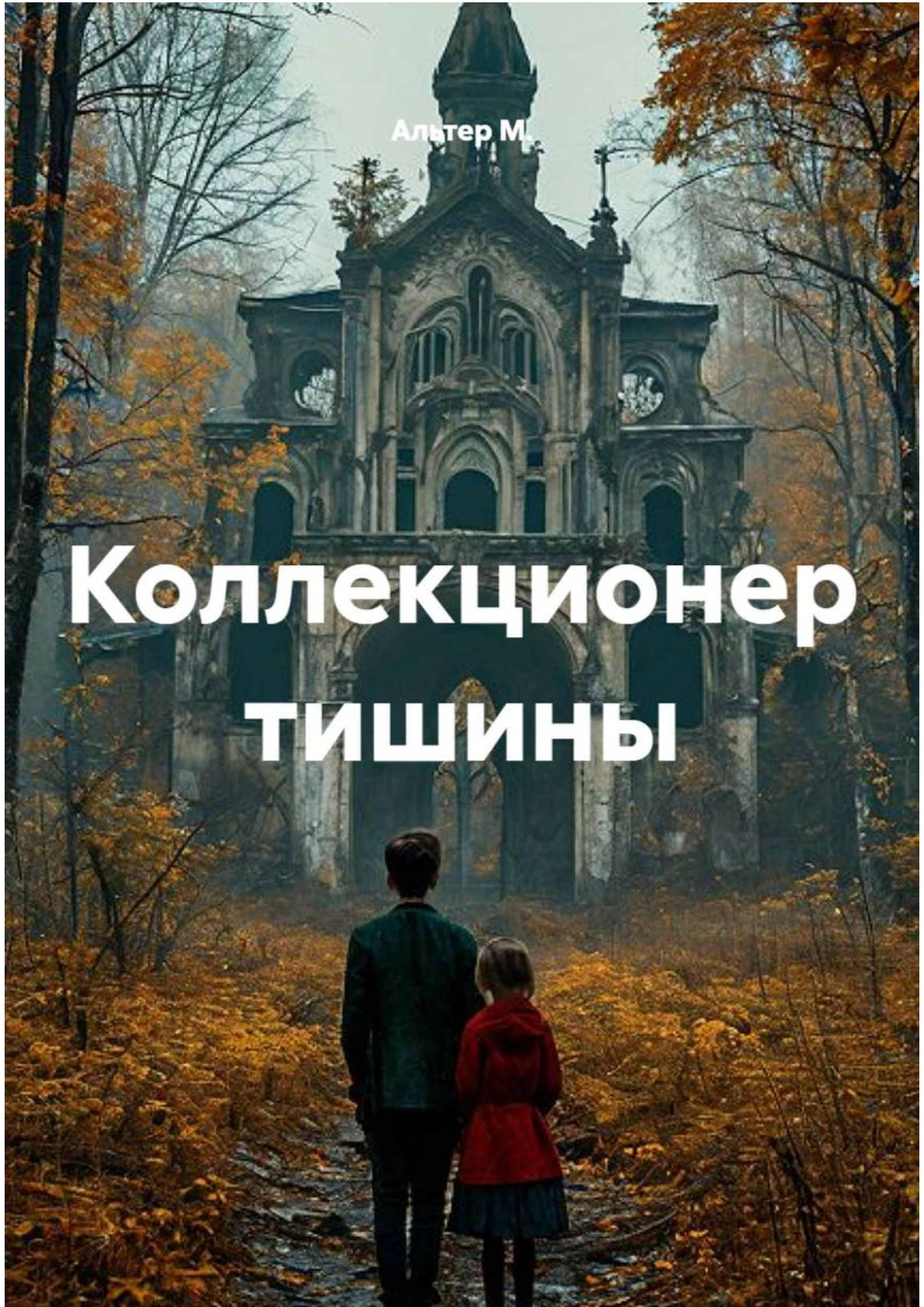

The background of the cover is a photograph of a large, dark, gothic-style church with multiple spires and arched windows, situated in a forest. The trees are covered in vibrant autumn foliage in shades of orange, yellow, and brown. In the lower foreground, a young boy in a dark green jacket and a young girl in a red coat are seen from behind, standing on a path and looking towards the church.

Альтер М.

Коллекционер ТИШИНЫ

Альтер М.

Коллекционер тишины

«Автор»

2026

М. А.

Коллекционер тишины / А. М. — «Автор», 2026

Звукорежиссёр Кирилл Богомолов коллекционирует тишину из заброшенных мест. Прослушивая архив, он слышит в записях потусторонние голоса, спорящие за право владеть его телом. Пытаясь избавиться от наваждения, Кирилл вместе с дочерью отправляется в мёртвую Припять и на Алтай, где узнаёт страшную правду: тишина жива, и она жаждет завершить древнюю симфонию, способную уничтожить мир звуков. Теперь отец и дочь должны спеть дуэтом, чтобы восстановить равновесие.

© М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. Резонанс бездны	12
Глава 3. Акустическая тень	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Альтер М. Коллекционер тишины

Глава 1. Анатомия отсутствия

Тишина — это не пустота. Это холст. И Кирилл Аркадьевич Богомолов, звукорежиссёр с тридцатилетним стажем и абсолютным слухом, знал это лучше, чем кто-либо из ныне живущих. Большую часть своей сознательной жизни он провёл, снимая с этого холста невидимые глазу, но осязаемые ухом мазки: шорох оседающей пыли, ультразвуковой плач остывающих ламп накаливания, инфразвуковой гул земной коры. Он коллекционировал тишину так, как другие коллекционируют марки или бабочек, — с той лишь разницей, что его экспонаты нельзя было потрогать. Их можно было только услышать.

Его студия, расположенная в полуподвале старого дома на Таганке, была саркофагом, возведённым во имя абсолютной акустической стерильности. Стены, обитые клиньями пороллона, напоминали внутренности какого-то фантастического улья. Пол устилал толстый ворсистый ковёр, гасивший шаги до состояния призрачного шёпота. Здесь не было окон. Воздух подавался через систему бесшумной вентиляции, которая стоила Богомолову половину гонорара за озвучку блокбастера про апокалипсис. Вторую половину он отдал за входную дверь — многослойный бутерброд из стали и свинца, отсекавший даже вибрацию проезжающих по улице грузовиков.

В этом герметичном пространстве Кирилл Аркадьевич чувствовал себя творцом. Его царство освещалось лишь мягким оранжевым светом ламповых индикаторов на микшерном пульте «Нева-Про», который он ласково называл «старушкой». Пульт был аналоговым, тёплым, с кругляшами верньеров, приятно охлаждающими пальцы. Богомолов презирал «цифру» за её мёртвую стерильность. Он утверждал, что цифровой ноль — это абсолютная чернота, в которой нет жизни, в то время как аналоговая тишина, записанная на магнитную ленту, всегда полна шёпота электронов и дыхания космоса.

Сегодня он работал с новым приобретением. Неделю назад к нему обратился странный заказчик — человек с лицом, лишённым возраста, и манерами похоронного агента. Он представился господином Эшером и попросил сделать запись тишины из двадцати пяти заброшенных мест Москвы и области. Заплатил он щедро, вперёд, пачками хрустящих купюр, пахнущих типографской краской и старыми книгами. Условие было одно: Богомолов должен был не просто привезти записи, но и прослушать их, очистить, оцифровать и свести в единый альбом, который Эшер назвал «Некролог шуму».

Семь дней Кирилл Аркадьевич мотался по Подмосковию на своём пыльном внедорожнике, набитом кофрами с аппаратурой. Он записывал тишину в морге заброшенной больницы имени Кашенко, где даже мыши боялись скрестись. Он стоял с микрофоном-пушкой на расвете в урочище «Чёрный лес», где, по слухам, в сорок втором замёрз целый батальон, и тишина там была вязкой, как патока, и тяжёлой, словно пропитанной предсмертным ужасом. Он спускался в Власьевские каменоломни, где, выключив фонарь, просидел три часа в абсолютной темноте, слушая, как растут сталактиты, и записывая ту самую великую тишину, что царил на Земле до появления человека.

Но главным трофеем, жемчужиной коллекции, стала запись из Припяти. Эшер каким-то непостижимым образом организовал ему легальный, почти официальный, доступ в зону отчуждения. Три дня Богомолов провёл в городе-призраке, и это перевернуло его представление о тишине. Тишина Чернобыля была не просто отсутствием звуков. Она была активной, агрессивной средой. Она давила на барабанные перепонки, словно столб воды. В ней слышался не ветер, а протяжный стон невидимых частиц, разъедающих бетон и плоть. Радиационный

фон, который он физически ощущал металлическим привкусом на языке, казалось, вплёлся в магнитную ленту, сделав запись живой.

Именно эту запись, помеченную на коробке биркой «Припять. Парк аттракционов. Колесо обозрения. Ночь», он и собирался прослушать сейчас.

Кирилл Аркадьевич надел наушники — тяжёлые, закрытые, с бархатными амбушюрами, способные воспроизводить частоты, недоступные человеческому уху. Он любил этот момент перехода. Щелчок — и мир внешний умирает. Остаётся только мир внутренний, мир записанной пустоты. Он вставил катушку с плёнкой в магнитофон «Студер», поправил очки в тонкой золотой оправе и нажал клавишу воспроизведения.

Сначала был шип. Тот самый ламповый, тёплый шип магнитной ленты, который для Богомолова звучал слаще любой симфонии. Затем он стих, сменившись вакуумом. В наушниках разлилась тишина Припяти. Она была густой и какой-то неровной, шершавой. Богомолов прикрыл глаза, мысленно переносясь в то место. Он вспомнил ржавое колесо обозрения, застывшее на фоне багрового закатного неба, пустые глазницы аттракционов, мёртвые кресла, покачивающиеся без единого скрипа.

Он медленно двинул ползунок громкости вверх, выкручивая преампы до предела. Тишина должна была остаться тишиной, просто стать громче. Но вместо этого в ней прорезалось нечто иное. На грани слышимости, где-то в инфразвуковом спектре, возник ритм. Медленный, подчёркнуто чёткий, не похожий на биение сердца. Скорее, на замедленную запись шагов. Бум... Бум... Бум...

Богомолов нахмурился. Артефакт? Наводка от какого-нибудь военного радара, работающего в зоне? Он потянулся к эквалайзеру и начал безжалостно вырезать низкие частоты. Двадцать герц, восемнадцать, пятнадцать. Ритм исчез, но вместе с ним исчезла и часть «воздуха», жизненной достоверности записи. Тишина стала плоской, мёртвой, цифровой. Кирилл Аркадьевич поморщился и вернул ползунки назад. Лучше уж странный ритм, чем стерильность.

Он снова закрыл глаза, решив игнорировать помеху, погрузиться в атмосферу. И тут он услышал голос. Вернее, не голос. Шёпот. Такой тихий, что поначалу мозг отказывался идентифицировать его как человеческую речь, списывая на акустическую иллюзию, рождённую усталостью. Шёпот был вплетён в ткань шипения ленты, как паутина в углы заброшенного дома.

«...нет, это моё право...» — шелестело в левом канале.

Богомолов резко распахнул глаза и уставился на магнитофон. Лента вращалась плавно, индикаторы уровней мерно покачивались в зелёной зоне. Он выругался про себя. Невозможно. Он лично, своими руками, проклеивал склейки, он прослушивал чистые участки. На плёнке не могло быть речи. Это противоречило законам физики и здравого смысла.

Он перемотал запись на несколько секунд назад. Снова тот же отрезок тишины. Снова шипение. И снова, едва слышно, на самом краю динамического диапазона:

«...ты слишком долго ждал. Теперь я...»

Кирилл Аркадьевич сдёргнул наушники. Сердце бухнуло в груди с той самой частотой, которую он только что вырезал эквалайзером. В студии было абсолютно тихо. Слышно было только гудение ламп в пульте, похожее на пение комара. Рука сама потянулась к графину с водой, стоявшему на краю стола. Он налил полстакана, рука чуть дрожала. Вода была тёплой и невкусной.

— Спокойно, — сказал он вслух, просто чтобы услышать звук живого голоса. — Это наводка. ВЧ-наводка на тракт звукозаписи. Или паразитная модуляция. Это Припять, там фон лютый, вот и лезет всякое дерьмо.

Он сам не поверил своим словам. Слишком долго он работал со звуком, чтобы не отличить наводку от осмысленной речи. Фразы были слишком чёткими интонационно. В них чувствовалась воля. Спор.

Налив виски в стакан вместо воды, он сделал большой глоток. Обжигающая жидкость прокатилась по пищеводу, возвращая ощущение реальности. Эшер заплатил за мистику? Он получит мистику. Богомоллов — профессионал. Он не может просто взять и позвонить заказчику со словами: «Простите, ваша тишина разговаривает, я боюсь». Это разрушит его репутацию.

Он решил подойти к проблеме системно. Для начала нужно было переписать плёнку на цифровой носитель и прогнать через спектральный анализ. Разложить шёпот на синусоиды, посмотреть на форму волны. Может быть, это какой-то хитрый дефект ленты. Паразитное эхо, наложившееся само на себя и сложившееся в подобие слов. В акустике и не такие чудеса бывают.

Он надел наушники снова. На этот раз не так плотно, одно ухо оставил открытым, чтобы слышать реальный мир — привычка, выработанная годами студийной работы. Он запустил оцифровку в реальном времени, выводя сырой сигнал с магнитофона на вход звуковой карты. Программа «СпектраЛаб», которой он пользовался для реставрации старых записей, отрисовала на мониторе зелёную змейку волновой формы.

Плёнка крутилась. Богомоллов слушал. На этот раз голоса были смелее. Они словно поняли, что их обнаружили.

«...старый...» — прошипел один, тот, что был резче, с металлическим оттенком. — «...сосуд истончился...»

«...зато слух абсолютный, — ответил второй, более вкрадчивый, текучий, как вода. — Ты не понимаешь прелести. Он нас слышит. Он нас запи-сы-ва-ет...»

Последнее слово было произнесено по слогам, с издевательской ласковостью. У Богомоллова по спине побежали мурашки размером с горошину. Это был не просто шёпот в эфире. Они говорили о нём. Они знали, что он их слушает. Прямо сейчас.

Он взглянул на спектрограмму. Там, на частотах от трёхсот до трёх тысяч герц, в диапазоне человеческой речи, плясали едва заметные всплески. Они не были случайным шумом. В их расположении прослеживалась чёткая формантная структура, характерная для гласных звуков. Кто-то или что-то модулировало тишину, создавая голос из ничего.

Кирилл Аркадьевич почувствовал знакомый укол азарта, смешанный с ледяным холодком страха. Страх он умел сублимировать в работу. Это спасало его в Афганистане, куда он попал ещё срочником, в составе звуковой разведки. Они сутками сидели в засадах, слушая эфир, выискивая в шорохе радиопомех переговоры душманов. Тогда он впервые понял, что тишина может убивать. Что в ней прячется смерть. И вот теперь смерть, кажется, заговорила прямую.

Он остановил плёнку. Тишина в наушниках стала абсолютной, гнетущей. Нужно было послушать другие записи. Может, это брак только этой катушки? Хотя он знал, что это не так. Он чувствовал это тем самым шестым чувством звукаря, которое позволяло ему за секунду определить неисправный конденсатор в усилителе или фальшивую ноту в оркестре. Зерно сомнений было посеяно.

Он полез в сейф, где в идеальном порядке, при постоянной влажности и температуре, хранились его плёнки. Пальцы пробежались по корешкам коробок. «Хоспис. Комната ожидания. 03:00». «Звонница Ивана Великого. До набата». «Квартира №66. Пустошь». Последняя запись была сделана в его собственной квартире, когда он, экспериментируя, оставил микрофон включённым на неделю, уехав в командировку. Квартира была пуста, но запись получилась удивительно насыщенной: там был и скрип рассыхающегося паркета, и гул водопроводных труб, и ультразвуковой свист зарядки от телефона. Обычный бытовой шум пустоты. Он решил начать с неё, как с эталона.

Поставив катушку, он включил воспроизведение. Квартира встретила его привычным звуковым ландшафтом. Он помнил каждый скрип, каждый шорох. Всё было на своих местах,

мирно, спокойно. Он уже хотел выдохнуть с облегчением, списав Припять на радиоактивную галлюцинацию, как вдруг услышал это снова.

В записи из пустой квартиры, которую он знал как свои пять пальцев, появился новый звук. Это был не шёпот. Это был скребок. Такой звук издаёт ноготь, медленно проведённый по натянутой мембране динамика. Скребок был не хаотичным. Он повторялся с определённым интервалом, словно некто невидимый прохаживался по комнате, ведя пальцем по стенам, по мебели, по корпусам его дорогих колонок.

Скрррр... Тишина. Пауза в три удара сердца. Скрррр... снова.

«Кто здесь?» — мысленно спросил Богомоллов, глядя на мёртвые индикаторы пульта.

Запись ответила ему шёпотом. Тем самым, вкрадчивым, из Припяти:

«...он нас слышит... мы здесь...»

Голос звучал не из плёнки. Он звучал в комнате. Слева. Из того самого динамика ближнего поля, который воспроизводил сигнал из записи. Кирилл Аркадьевич медленно, как в кошмарном сне, повернул голову. На чёрной, матовой поверхности диффузора динамика, в том самом месте, где должна была вибрировать звуковая катушка, лежала пыль. Она двигалась. Пылинки подрагивали, складываясь в ритмический узор, синхронный со скребущим звуком в наушниках. Физика этого явления была немыслимой. Звук не мог так избирательно воздействовать на материю. Это материя реагировала на нечто иное, что пряталось в звуке.

Он снял наушники. В студии стояла звенящая тишина. Та самая, которую он так любил. Но сейчас она казалась ему засадой. Он чувствовал себя не в звукоизолированном бункере, а на открытой сцене, окружённый невидимой публикой. Публикой, которая ждала его следующего шага.

Кирилл Аркадьевич встал. Ноги были ватными. Он прошёл к стеллажу с аппаратурой, стараясь не смотреть на динамики. Ему нужно было доказательство. Материальное, осязаемое. Он достал старенький катушечный диктофон «Репортёр-5», который обычно использовал для записи полевых заметок. Железная, надёжная машина. Он положил его на стол, нажал кнопку записи и поднёс встроенный микрофон к диффузору основного монитора.

— Говорите, — произнёс он в пустоту, чувствуя себя полным идиотом. — Я знаю, что вы здесь. Если вы можете модулировать шум, сделайте это сейчас. Я записываю.

Он отмотал плёнку на основном магнитофоне к началу фрагмента со скребком и снова включил воспроизведение. На этот раз он слушал «вживую», без наушников, направляя микрофон «Репортёра» прямо на источник звука. Комната наполнилась тихим, зудящим шорохом. Звук был нелокализуем. Казалось, он исходит отовсюду, струится из углов, капает с потолка.

Шёпот вернулся. Теперь он был разборчив даже для невооружённого уха.

«...не суетись... мы не враги... пока...»

«Пока» прозвучало с особым нажимом, как щелчок предохранителя.

Богомоллов, преодолевая ужас, скрупулёзно записывал. Его профессиональная натура боролась с первобытным инстинктом. Он должен был зафиксировать это. Весь мир гонялся за призраками с тепловизорами и микрофонами, пытаясь поймать хоть слово с того света. А тут целый диалог в его студии!

«...зачем он записывает? Он думает, это кому-то покажет?» — проскрежетал третий голос, более низкий, грудной, идущий словно из-под пола.

«...тихо ты... не смей...» — оборвали его два первых хором.

Запись оборвалась резко, словно кто-то выдернул шнур из розетки. Богомоллов вскочил, подбежал к магнитофону. Катушка замерла. Он точно помнил, что заправлял плёнку с двадцатиминутным запасом. Рывком нажав на перемотку, он понял — плёнка цела, механизм исправен. Просто на том месте, где должен был продолжаться спор, зияла абсолютная, мёртвая тишина. Даже без привычного шипения ленты. Как будто некто стёр звук самой материи.

Он схватил диктофон «Репортёр», на который дублировал запись. Руки тряслись так, что он едва не уронил его. Перемотка. Пуск. Из крошечного динамика полился его собственный, жалкий от страха голос: «Говорите... Я знаю, что вы здесь...». Затем шорох. Затем — тишина. На том месте, где в комнате звучал хор загробных шёпотов, на плёнке «Репортёра» не было ничего. Только глухой, равнодушный шум пустоты.

Кирилл Аркадьевич почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Они не просто говорили. Они были разумны настолько, чтобы избирательно стирать себя с одних носителей, оставаясь на других. Или, что было ещё страшнее, они существовали только в его голове? Но тогда откуда скребущийся звук? Откуда движущаяся пыль?

Он снова взглянул на динамик. Пыль была неподвижна. Весь мир за пределами его бешено колотящегося сердца казался застывшим в янтаре.

Решение пришло внезапно, как вспышка. Эшер. Заказчик с лицом покойника. Он всё знал. Он не просто заказал запись тишины, он заказал доставку. Доставку этих тварей прямо в студию, в саркофаг, отрезанный от всего мира. А Богомоллов, старый дурак, жадный до денег и редких акустических ощущений, сам открыл им дверь. Точнее — магнитную головку.

Он подошёл к столу, где лежал клочок бумаги с номером телефона, записанным рукой Эшера. Цифры были выведены старомодным, каллиграфическим почерком. Кирилл Аркадьевич схватил трубку проводного телефона — единственного средства связи в этом склепе, так как мобильная связь сюда не проникала. Аппарат был старый, дисковый, чёрный, словно надгробный камень. Он поднёс трубку к уху.

Тишина.

Он нажал на рычаг. Никакого гудка. Абсолютный ноль. Телефон, который всегда работал, был мёртв. Даже эфирного треска не было в линии. Как будто провод, идущий сквозь стены к распределительному щитку, обрезан.

— Не смешно, — прохрипел Богомоллов в никуда.

В ответ в мёртвой трубке раздался знакомый вкрадчивый шёпот, но на этот раз чистый, без помех, словно собеседник находился в соседней комнате:

«...не звони ему... он всего лишь проводник... а мы — твой слушатель...»

Богомоллов с криком отшвырнул трубку. Она повисла на витом проводе, раскачиваясь, как маятник. Из микрофона трубки, обращённой к нему раструбом, всё ещё доносился тихий, булькающий смех.

Нужно было уходить. Немедленно. Прямо сейчас. Бросить всё — студию, оборудование, бесценный архив — и бежать наверх, к людям, к свету, к уличному шуму. Но, повернувшись к двери, он наткнулся взглядом на главную катушку. Ту самую, из Припяти. Она была помечена не только биркой. Прямо на ржавом металлическом сердечнике, там, где наматывается лента, он увидел крошечную царапину. Нет, не царапину. Букву. Это была «Альфа». Он готов был поклясться, что раньше её не было.

Дрожащими пальцами он снял коробку с полки и поднёс к глазам. За «Альфой» следовала «Омега», а затем ещё несколько символов, которые он не мог прочесть, так как они были нанесены крошечным кеглем и в зеркальном отражении. Символы не были выцарапаны. Они были словно вытравлены изнутри металла, проступая на поверхности серой патиной.

Он понял, что просто так уйти не получится. Весь его профессиональный путь, вся его жизнь, посвящённая записи тишины, была лишь прелюдией к этой встрече. Тишина больше не была пассивным объектом наблюдения. Она стала активным хищником. И она выбрала его своим голосом.

Страх сменился странным, парализующим оцепенением. Любопытство, это акустическое сладострастие, снова подняло голову. Они говорили о «сосуде». Они говорили о «слухе». Они обсуждали, кто будет «хозяином». Значит, у них есть цель. Значит, пока он нужен им живым.

Пока он слушает, он в безопасности. Или наоборот — чем дольше он слушает, тем ближе его гибель.

Он заставил себя сесть обратно в кресло. Спина была мокрой от пота. Он посмотрел на своё отражение в тёмном стекле выключенного монитора. Уставший пожилой мужчина с седыми висками и мешками под глазами. Сосуд. Сосуд для чего? Для голосов? Для множества сущностей, что спорили сейчас в магнитных полях его студии?

— Что вам нужно? — спросил он в пространство, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Зачем вы здесь?

Вопрос повис в воздухе. Тишина в студии была полной. Но теперь он знал, что это ложь. Он потянулся к пульту и нажал кнопку записи на всех свободных каналах. Пусть пишут. Пусть всё пишут. Если ему суждено сойти с ума или умереть, он оставит после себя величайшую запись в истории человечества — документальную фиксацию собственной одержимости.

Он перемотал плёнку Припяти к самому началу. Затем включил её снова. Ползунки громкости — до упора вверх. Наушники — на голову. Полное погружение. Шипение ленты потекло в уши, но на этот раз оно не было хаотичным. Оно структурировалось, обретало форму, становилось осмысленным шумом, похожим на дыхание спящего Левиафана.

И из этого шума, медленно, словно проступая из тумана, начали проявляться голоса. Их были не два, не три. Их был легион. Тысячи шёпотов, сливающихся в единый, монотонный, завораживающий хор. Они спорили, перебивая друг друга, как зрители в театральном партере перед началом представления. Представления, главным героем которого должен был стать он.

«Я поведу... я лучше знаю...»

«Нет, я старше... я помню Сожжение...»

«Ты слаб... ты растворился в эхе...»

«А я звонок... я буду кричать его голосом...»

«Тссс... Он снова слушает... слушает...»

Богомоллов зажмурился так сильно, что перед глазами поплыли красные круги. Он хотел сорвать наушники, но тело не слушалось. Мышцы налились свинцом. Звук проникал в него, резонируя с каждой костью, с каждым зубом. Казалось, ещё немного, и его череп начнёт вибрировать на частоте этого дьявольского конклава.

И вдруг всё стихло. Резко, как обрубленная гильотиной нить. В наступившей тишине раздался новый голос. Он не был похож на остальные. Он был тихим, далёким и невыразимо печальным. Голос, который звучал не из наушников, а словно из центра его собственной головы, из той точки, где сходятся нейронные связи.

«Не бойся их. Они просто шум. Я — Тишина. Я ждала тебя так долго. Ты единственный, кто слышит Меня по-настоящему. Слушай Меня. Только Меня. Слушай...»

И Кирилл Аркадьевич Богомоллов, коллекционер тишины, впервые в жизни испугался по-настоящему. Потому что этот голос был голосом самой пустоты, которая смотрела на него из-за границы слышимого мира и улыбалась. И он понял, что слушать этот голос — единственное, что ему осталось. Он стал заложником своей коллекции. Архивариусом собственного безумия. И это безумие только начинало петь свою арию.

Где-то на краю сознания мелькнула мысль о жене, о дочери, живущих в другом городе. О том, что он не звонил им уже месяц. Но мысль эта тут же потонула в вязкой, сладкой мелодии, которую наигрывала у него в мозгу вселенская пустота. Он открыл глаза и увидел, что индикаторы на пульте больше не реагируют на запись. Они горели ровным, неестественно ярким, потусторонним зелёным светом, словно глаза волка в ночи.

Он потянулся к ползункам эквалайзера. Ему хотелось подкрутить высокие частоты, сделать голос «Тишины» ещё чище, ещё прекраснее. Его пальцы коснулись холодных металлических ручек. И в этот момент свет в студии моргнул. Раз, другой. Лампы в пульте загудели громче, на пределе слышимости, входя в резонанс с голосом. Запахло озоном и горячей пылью.

Тишина набирала силу. Она больше не пряталась за шумами. Она выходила на авансцену. И Кирилл Аркадьевич, замерев с протянутой к пульту рукой, превратился в соляной столп, в единственного зрителя и одновременно в музыкальный инструмент для симфонии, которую никто из живых ещё не слышал. Он понял: когда пластинка кончится, наступит та, истинная Тишина, ради которой он и жил. Абсолютная. Вечная.

Он засмеялся. Это был тихий, сухой смех, похожий на шелест осенних листьев. Плёнка продолжала крутиться, записывая тишину студии. Но теперь в этой тишине, если прислушаться, можно было различить не только шёпот призраков. В ней слышался новый звук. Звук медленно, песчинка за песчинкой, разрушающейся человеческой души. Процесс, за которым породу наблюдают с той стороны, где нет ни звука, ни ярости. Только молчание. Которое умеет ждать. И ждало оно именно его. Богомолова. Коллекционера собственной смерти, расставленной по полочкам и заархивированной с любовью.

Глава 2. Резонанс бездны

Студийный полумрак сгустился до консистенции киселя. Кирилл Аркадьевич Богомолов всё ещё сидел в своём акустическом кресле, но уже не чувствовал его опоры. Тело стало чужим, невесомым, словно ватный манекен, напичканный звонкой пустотой. Смех, тот самый сухой, шелестящий смех, застрял в горле и оборвался внезапно, оставив после себя металлический привкус страха. В студии стояла та абсолютная тишина, которую он когда-то так страстно желал поймать, но теперь она не была пустой. Она была беременна множеством невысказанных слов, злых и терпеливых.

Он попытался пошевелить рукой. Пальцы, только что тянувшиеся к верньерам эквалайзера, лежали на подлокотнике безвольно, словнодохлые пауки. Сознание, затуманенное вторжением потустороннего шёпота, медленно возвращалось к реальности, но реальность эта стала зыбкой. Лампочки индикаторов на пульте «Нева-Про» горели ровным, неестественно ярким зелёным огнём, не мигая. Они напоминали глаза ночного зверя, застывшего перед прыжком. Магнитофон «Студер» молчал, катушка замерла, но Богомолов готов был поклясться, что плёнка продолжает вращаться, просто очень медленно, невидимо для глаза, издавая неслышимый ультразвуквой скрип.

— Очнись, — сказал он сам себе, но губы не разомкнулись. Слова прозвучали только в голове, отозвавшись гулким эхом в пустых коридорах сознания.

Ответ пришёл немедленно. Не снаружи, из динамиков, а прямо в костный мозг, в ту точку за ушами, где анатомы помещают орган равновесия. Ответ был многоголосым, слоистым, словно акустический торт, испечённый в аду.

«Очнулся... очнулся... он думает, что очнулся...»

«Не думает. Боится. Чувствуешь адреналин? Сладкий...»

«Дай ему время. Пусть привыкнет. Сосуд должен быть спокоен, иначе треснет».

Кирилл Аркадьевич зажмурился. Это был классический приём акустической дезориентации, знакомый ему по военному прошлому. Когда не можешь определить источник звука, мозг начинает паниковать. Нужно локализовать врага. Он заставил себя открыть глаза и осмотрел студию. Помещение было всё тем же: поролоновые клинья на стенах, глухой ковёр на полу, свинцовая дверь. Но в самом воздухе появилась какая-то зернистость, словно пространство наполнилось мельчайшей пылью. Пылинки висели неподвижно, подсвеченные зелёным светом индикаторов, и складывались в едва заметные геометрические узоры.

«Не смотри на пыль. Смотри на меня».

Этот голос был другим. Он не принадлежал хору шёпотов. Он был глубже, старше, и в нём не было эмоций — только констатация факта. Голос самой Тишины. Той сущности, что говорила с ним в конце, перед тем как он засмеялся. Богомолов скосил глаза влево, вправо. Никого. Только колонки ближнего поля, чёрные матовые параллелепипеды, обращённые к нему круглыми зрачками диффузоров.

— Где? — выдохнул он, и собственный голос показался ему чужим, плоским, лишённым обертонов. Студийная акустика, призванная гасить реверберацию, теперь работала против него, делая речь безжизненной.

«Везде. Я — отсутствие звука. Ты не можешь меня увидеть. Ты можешь только слышать моё присутствие в промежутках между шумами. Но скоро ты перестанешь слышать и это. Ты станешь мной».

Кирилл почувствовал, как холодеют кончики пальцев. Нет, не от метафизического ужаса — физически, словно кровь отливает от конечностей. Он попытался встать. Ноги, обутые в мягкие войлочные тапки, упёрлись в ковёр. Мышцы напряглись, но тело осталось на месте. Невидимые ремни прижимали его к креслу.

— Вы не можете меня удержать, — прошептал он. — Это мой слуховой зал. Я здесь хозяин.

Ответом был смех. На этот раз многоголосый, лающий, каркающий, булькающий. Хор бесплотных тварей веселился от души.

«Хозяин! Он сказал — хозяин! Ты слышал?»

«Хозяин своей могилы! Он сам её вырыл, обшил поролоном и закрыл свинцовой крышкой!»

«Мы здесь не гости, звукарь. Мы — арендаторы. И срок аренды истекает, когда мы решим».

— Что вам от меня нужно? — спросил Богомоллов, и на этот раз голос его дрогнул. — Зачем вы здесь? Вы же не просто так явились из эфира.

Шёпоты смолкли. Воцарилась пауза, тяжёлая, как ртутный столб. Затем заговорил тот, что назвал себя Отражённым. Его голос звучал более структурированно, почти по-человечески, с интонациями старого актёра.

«Ты записал тишину двадцати пяти мёртвых мест. Но ты записал не просто отсутствие звука. Ты, сам того не зная, снял акустические слепки пространств, где грань между мирами истончена. Больницы, где умирали в муках. Лес, где замерзали солдаты. Каменоломни, где совершались ритуалы задолго до твоего Христа. И Припять... ах, Припять. Там дыра в реальности такая, что в неё можно просунуть вечность. Ты, со своим абсолютным слухом, не просто записал шум. Ты создал акустический мост. А мы — те, кто давно ждал переправы».

— Мост? — Кирилл сглотнул. — Я не хотел. Я просто выполнял заказ. Мне заплатили.

«Эшер. Глупец. Он думал, что служит Тишине, Великой Пустоте, Матери Безмолвия. А на самом деле он просто открыл двери для всех нас. Ты — усилитель. Ты — рупор. Твоё тело, твой мозг, твой абсолютный слух — идеальный инструмент для воплощения. В других людях мы были бы просто шумом в ушах, фантомным звоном, который они глушат таблетками. Но ты... ты слышишь нас во всей полноте. Ты можешь дать нам физический голос».

— Зачем вам физический голос? — Богомоллов лихорадочно соображал. Если они говорят, значит, их можно переговорить. Любая сущность, обладающая разумом, имеет слабости. Так учил его старый командир из звуковой разведки.

Хор снова оживился. Голоса перебивали друг друга, словно торговались на восточном базаре.

«Чтобы петь! Чтобы кричать! Чтобы шептать на ухо спящим и сводить их с ума!»

«Я хочу снова увидеть свет. Не этот жалкий свет ваших ламп, а живой, солнечный. Услышать шум ветра не в записи, а кожей».

«А я хочу есть. Ваш мир полон звуков, и все они — пища. Смех детей, плач женщин, скрежет металла — это калории вечности».

«Тише! Тише, идиоты! Вы распугаете сосуд!» — рявкнул Отражённый.

Богомоллов понял главное: среди них нет единства. Они соперничают. И то, что они называют «сосудом», — это он сам. Значит, пока они спорят, у него есть время. Он снова попытался встать, на этот раз резко, рывком, как учили в десантуре. Тело подчинилось, но с чудовищной задержкой, словно преодолевая толщу воды. Он рухнул на колени перед пультом, больно ударившись о металлический край. Боль была настоящей, отрезвляющей.

— Я уничтожу записи! — крикнул он, хватаясь за коробку с плёнкой, помеченной «Припять». — Я сотру всё, и вы исчезнете!

Он не был уверен в этом, но блефовал. Пальцы сомкнулись на пластике коробки. И тут случилось то, что заставило его отшатнуться. Поверхность коробки под его пальцами стала рыхлой, тёплой и... влажной. Он отдёрнул руку. На коробке, там, где он только что касался, проступили крошечные капли жидкости. Жидкость была тёмной, почти чёрной в зелёном свете, и пахла типографской краской и старыми книгами. Запах Эшера.

Капли поползли вверх, игнорируя гравитацию, и начали собираться в буквы. По пластику, словно выдавленные изнутри, проступили слова:

«НЕ ТРОГАЙ. ЭТО МОЁ».

Буквы были корявыми, угловатыми, но вполне читаемыми. Кирилл отшатнулся к стойке с микрофонами. Сзади что-то звякнуло. Он обернулся. Один из микрофонов, тяжёлый ламповый «Нейман», качнулся на стойке без всякой причины. Следом дёрнулся второй, за ним — третий. Они раскачивались, словно маятники метрономов, настроенных на ритм адажио. Всё в студии, что могло издавать звук, начало жить своей жизнью. Тарелка с забытым печеньем на краю пульта мелко задребезжала. Карандаш покатился по столу и упал на пол с грохотом, который в абсолютной тишине прозвучал как пушечный выстрел.

Богомоллов зажал уши ладонями. Это был инстинкт. Но голоса зазвучали громче, теперь не в голове, а прямо в ладонях, в костях черепа, вибрацией передаваясь через руки.

«Не закроешься. Мы уже внутри. Ты впустил нас, когда нажал "запись"».

Он отнял руки. Тишина в студии снова стала абсолютной. Но это была злая тишина. Тишина склепа, где покойник вдруг открыл глаза. Кирилл Аркадьевич заставил себя дышать ровно. Он профессионал. Он работал со звуком в экстремальных условиях. В Афганистане, бывало, сидишь в засаде, а в наушниках вой душманских ракет и предсмертные хрипы товарищей. Нужно фильтровать. Отделять главное от фона.

Главное сейчас — понять, как они взаимодействуют с материей. Звук — это колебания воздуха. Значит, теоретически, их можно заглушить другими колебаниями. Он рванулся к генератору белого шума — прибору, который использовал для настройки акустики. Один щелчок тумблера — и студия должна была наполниться шипением, похожим на звук ненастроенного телевизора.

Тумблер щёлкнул. Тишина осталась.

Богомоллов тупо смотрел на прибор. Лампочка питания горела. Внутри что-то гудело. Но из динамиков не доносилось ни звука. Слово сама способность воздуха передавать волны была аннулирована.

«Белый шум? — Голос Тишины был почти ласков. — Это я. Ты хотел записать чистую тишину. Так слушай. Вот она. Чистая. Без примесей».

— Это не тишина! — закричал Кирилл. — Это отсутствие! Это вакуум!

«Ты только сейчас понял разницу?»

Крик погас, не отразившись от стен. Поглощённый. Убитый. В ушах стоял звон, но это был звон крови, бегущей по сосудам. Живой звук. Единственное, что ещё связывало его с миром людей.

Он попытался нащупать в кармане телефон. Пусто. Мобильник остался в сумке у двери. Он сделал шаг к выходу, но ноги снова налились свинцом. Не физическим — психическим. Каждый шаг давался с усилием, словно он шёл сквозь толщу вязкой, холодной патоки. Воздух вокруг сгустился, стал плотным. Пылинки, висевшие в пространстве, пришли в движение. Они стягивались к центру комнаты, к тому месту, где стоял он сам. Миллиарды крошечных частиц медленно вращались, образуя подобие воронки, спирали, направленной остриём прямо в его голову.

Он понял: они не шутят. Они действительно вытягивают из него... что? Жизнь? Сознание? Или что-то более тонкое — саму способность звучать?

В отчаянии он схватил с полки катушку с записью симфонического оркестра. Мариинка, Чайковский, «Патетическая». Он сам сводил эту запись пятнадцать лет назад. Плёнка была родной, тёплой, аналоговой. Дрожащими руками он вставил катушку в магнитофон, защёлкнул, нажал воспроизведение. Механика сработала. Катушка завращалась. Тонвал потянул ленту.

Тишина.

Из колонок не вылетело ни звука. Ни скрипок, ни виолончелей, ни трагических аккордов финала. Только лёгкое шипение ленты, и то на самой границе слышимости. И сквозь это шипение — шёпот.

«Чайковский. Хорошая музыка. Печальная. Мы тоже любим музыку. Сыграй нам. Сыграешь? Мы будем подпевать».

— Я не буду вам подыгрывать! — прорычал Кирилл.

Он выдернул катушку, швырнул её на пол. Пластик треснул. Лента размоталась змеиным клубком. И в этот момент он услышал первый по-настоящему громкий звук с начала кошмара. Это был крик. Женский крик, полный боли и ужаса, раздавшийся прямо из разбитой катушки, словно вместе с плёнкой он разбил нечто живое.

Крик оборвался. Наступила тишина. Но теперь она стала иной. В ней появился ритм. Чёткий, размеренный, похожий на замедленное биение сердца. Бум. Тишина. Бум. Тишина.

Кирилл понял: это его собственное сердце. Они заставляют его слышать собственное сердцебиение, усиливая его до громкости литавр. Это был изощрённый психологический приём. Замкнутое пространство, абсолютная тишина и единственный звук — твой собственный пульс, который постепенно учащается, сводя с ума.

— Прекратите, — прошептал он. — Прекратите немедленно.

«Прекратим, если отдашь».

— Что отдать?

«Своё "форте". Свою громкость. Свою душу, если по-вашему. Мы не просим многого. Простопусти нас сознательно, не сопротивляйся. Мы не убьём тебя. Ты останешься жив. Ты просто станешь... больше. Ты вместишь нас всех».

— Вы хотите сделать из меня одержимого? Бесноватого? Чтобы я пускал слюни и выкрикивал ваши имена?

«Примитивно. Мы — не бесы. Бесы — это просто шум, духи дисгармонии. Мы — суть звуков, записанных за гранью. Мы — эхо без источника. Голоса без тел. Мы хотим звучать. А ты хочешь слышать. Разве не в этом смысл твоей жалкой жизни? Ты коллекционировал тишину, чтобы найти в ней нас. Ты нашёл. Так прими награду».

Богомоллов опустился на пол, привалившись спиной к стойке с микрофонами. Холодный металл немного отрезвлял. Он пытался мыслить логически. Если бы они могли взять его силой, они бы уже это сделали. Зачем им его согласие? Значит, есть какой-то закон. Какое-то ограничение. Они — акустические паразиты. Им нужен резонанс, добровольный отклик.

— Не дождётесь, — сказал он. — Я скорее оглохну.

«Ты не оглохнешь. Ты слишком любишь звук. Ты будешь слушать нас вечно, пока не сойдёшь с ума. Это вопрос времени. Мы терпеливы. Мы ждали десятилетия, пока кто-то с идеальным слухом запишет нужную комбинацию шумов. Подождём ещё».

Тишина снова стала гнетущей. Кирилл сидел, обхватив колени руками, и смотрел на панораму студии. Его царство, его гордость. Каждый прибор был куплен с трудом, настроен с любовью. Теперь всё это превратилось в инструменты пытки. Он не мог определить, сколько времени прошло с того момента, как он поставил плёнку Припяти. Часы на пульте стояли. Механические, с автоподзаводом, они просто замерли на 03:17. Три семнадцать. Время, когда, согласно статистике, чаще всего умирают люди в больницах. Символично.

Нужно было действовать. Пассивное ожидание вело к безумию. Он вспомнил о «Репортёре-5», что валялся на столе. Диктофон не записал голоса, но, может, он ещё работает? Кирилл подполз к столу, стараясь не создавать лишнего шума. Впрочем, какой шум, если тишина глушит всё? Но тело само двигалось крадучись, подчиняясь инстинктам загнанного зверя. Он взял диктофон, нажал запись и громко, чётко произнёс:

— Меня зовут Кирилл Аркадьевич Богомоллов. Я нахожусь в своей студии звукозаписи по адресу: Москва, Товарищеский переулок, дом семь, строение три, подвал. Я подвергаюсь

акустической атаке неизвестных существ. Требую помощи. Если кто-то слышит эту запись, вызовите полицию, службу спасения, кого угодно. Взломайте дверь.

Он остановил запись и включил воспроизведение. Из динамика донеслось шипение. И его голос. Глухой, испуганный, но разборчивый. Сработало! Запись была на плёнке. Он почувствовал прилив надежды.

«Глупец. Ты думаешь, эта коробочка что-то изменит? Мы не глушим твои записи. Мы глушим распространение звука здесь и сейчас. Твой диктофон — просто носитель. Но кому ты его отдашь? Ты заперт. Дверь — свинцовая плита. Вентиляция глушится. Ты в идеальной ловушке, созданной тобой для звука. Ты сам загнал себя в бутылку».

Богомоллов взглянул на диктофон. Внешне он был невредим. Он положил его в нагрудный карман рубашки, поближе к сердцу. Затем оглядел студию в поисках того, что могло бы послужить оружием. Тяжёлый микрофон на стойке? Можно разбить череп, если приложиться. Но чей? У них нет тел. Кабель? Петля? Для кого? Он один в комнате.

— Эшер! — вдруг осенило его. — Он должен прийти за заказом! Когда он придёт, я схвачу его и заставлю всё исправить!

«Эшер не придёт. Он сделал свою работу и ждёт результата. Ты отдашь ему плёнки сам. Когда станешь нашим».

— Я не стану вашим!

Он закричал это изо всех сил. Крик заметался в черепной коробке, но в комнате, казалось, даже не шелохнулся воздух. И тут случилось нечто новое. В абсолютной тишине раздался звук извне. Не из динамиков, не из его головы. Это был глухой, низкий, вибрирующий удар. Словно чем-то тяжёлым ударили в уличную дверь там, наверху, за пределами его бункера. Бум.

Кирилл замер. Сердце ёкнуло. Ещё один удар. И ещё. Кто-то пытался войти. Или выйти?

«Не отвлекайся. Это твой мир рушится», — прошелестела Тишина, но в её голосе Кириллу почудилась неуверенность.

Удары продолжались, ритмичные, настойчивые. Они не были похожи на стук в дверь. Скорее, на работу отбойного молотка, но на очень низкой частоте. Инфразвук. Тот самый инфразвук, что вызывает у людей чувство безотчётного ужаса. Богомоллов знал этот эффект. Но сейчас этот звук был единственной ниточкой, связывающей его с реальным миром. Источник находился где-то снаружи.

Внезапно по костям черепа прошла вибрация, и он услышал в этих ударах ритм. Азбука Морзе! Старая добрая азбука, которую он учил в армии. Он прислушался, стараясь не обращать внимания на возмущённый шёпот внутри головы. Точка-тире-тире-точка... «П». Тире-точка-тире... «К». Точка... «Е». «ПКЕ»? Нет, дальше: точка-тире... «А». Точка-точка-точка... «О». Тире... «Т». «ПКЕ АОТ»? Бессмыслица. Или он разучился принимать? Он сосредоточился. Удары были не очень чёткими, словно передатчик был непрофессионалом. «...ИДИ НА ЗВУК». Вот что было передано! «ИДИ НА ЗВУК».

Но куда? Идти на звук означало идти на удары. Значит, вверх, к выходу. К двери, которая не открывалась. И всё же это было послание. Кто-то снаружи знал, что он в беде.

Он вскочил на ноги. На этот раз тело подчинилось легче. Удары инфразвука словно расшатывали вязкую тишину, сделали воздух проницаемым. Он бросился к двери, навалился на неё плечом. Та не шелохнулась. Тогда он начал колотить по ней кулаками, надеясь, что ответный стук услышат. Глухо. Никакого отзвука. Металл пожирал удары. Но инфразвуковой сигнал продолжал пробиваться сквозь стены.

И тут он заметил то, на что не обращал внимания раньше. В углу, у самого пола, где вентиляционная решётка была скрыта за поролоновым экраном, экран слегка подрагивал. Вибрация шла именно оттуда. Вентиляция! Конечно! Воздуховод был единственным путём для звука, но его система бесшумной вентиляции была спроектирована так, чтобы гасить любые

колебания. Однако инфразвук, с его способностью проходить сквозь стены и предметы, всё же находил путь.

Кирилл упал на колени перед решёткой и прижался ухом к металлической сетке. Вибрация стала громче. Вместе с ней он услышал ещё один звук — далёкий, искажённый, но узнаваемый. Голос. Человеческий голос, усиленный мегафоном.

— ...огомоллов! Кирилл Аркадьевич! Вы меня слышите? Отзовитесь! Мы пробуем пробиться к вам!

Голос был женский. Молодой, звонкий, искажённый расстоянием и металлом воздуха, но определённо живой. От неожиданности и облегчения Кирилл едва не разрыдался.

— Я здесь! — закричал он в решётку. — Я заперт! Помогите!

«Замолчи», — прошипела Тишина, и на этот раз её голос был полон угрозы. Пыль в комнате взметнулась смерчем, закрутилась вокруг него, норовя забиться в рот, в нос. Он закашлялся, замахал руками. Но голос в вентиляции продолжал:

— ...итайте, что я говорю? Если слышите, стучите три раза! Раз, два, три!

Богомоллов, отбиваясь от пылевого облака, изловчился и трижды ударил металлическим микрофонным держателем по трубе отопления. Получился гулкий, долгий звон. «Дон! Дон! Дон!»

— Есть! Слышу! — отозвался голос. — Держитесь! Мы пытаемся открыть дверь, но она очень толстая. Нам нужен код или ключ! Где ключ?

Ключ! Ключ был в сейфе. Сейф находился за пультом, вмурованный в стену. Кирилл пополз к нему, хватаясь за стойки, задыхаясь от пыли, которая, казалось, обрела сознательную злую волю. Пылинки царапали глаза, лезли в уши. Шёпот десятков голосов нарастал, переходя в визг:

«Не смей! Не смей отдавать ключ! Останься с нами! Ты обещал! Ты наш!»

— Я ничего вам не обещал! — хрипел Кирилл, на шаривая дверцу сейфа. Пальцы не слушались, скользили по металлу. Он вспомнил шифр: 24-17-09. Дата рождения дочери. Алиса. Он набрал код, потянул ручку. Дверца открылась. Внутри, среди паспортов, денег и запасных магнитных головок, лежал массивный стальной ключ от входной двери.

Схватив его, он снова бросился к решётке вентиляции.

— Ключ у меня! — закричал он. — Но дверь изнутри не открывается! Замок заклинило или что-то держит!

— Бросайте ключ в вентиляцию! — скомандовал голос. — Он упадёт в шахту на нижний уровень, там есть технический люк. Мы попробуем открыть снаружи!

Богомоллов колебался лишь секунду. Бросить ключ — значит отдать единственную надежду. Но если они не откроют, он умрёт здесь. Он просунул ключ сквозь ячейки решётки и разжал пальцы. Ключ полетел в темноту, звякнул где-то далеко внизу.

«Ты совершил ошибку», — произнесла Тишина, и в этом голосе больше не было ни капли притворства. Только холодная, концентрированная ненависть. — «Ты думаешь, люди тебя спасут? Они не спасут. Они сами станут добычей. Я не позволю тебе уйти. Ты — мой рупор. Мой голос. Ты будешь вещать меня в этот мир, даже если для этого мне придётся раздавить твой разум».

Пыль сгустилась в центре комнаты, формируя нечто, отдалённо напоминающее человеческую фигуру. Ростом выше потолка, она согнулась, упёрлась несуществующей головой в поролоновые плиты. Контуры переливались, дрожали, как мираж над асфальтом. Но в том месте, где у фигуры должны были быть глаза, зияли два абсолютно чёрных провала, полные той самой перевозданной, довременной тишины, которую Богомоллов так стремился услышать.

Кирилл попятился, прижимаясь спиной к двери. Он чувствовал затылком холод металла. Где-то там, снаружи, люди возились с замком. Слышался скрежет, глухие удары. Но здесь, внутри, пространство скручивалось в узел. Фигура из пыли протянула к нему руку — длин-

ную, состоящую из мириадом частиц, руку-облако. Он ощутил, как эта рука касается его груди, проходит сквозь одежду, сквозь кожу, сквозь рёбра и сжимает сердце.

Сердце остановилось.

А потом забилося снова, но в другом ритме. В ритме того самого инфразвукового пульса. Бум. Тишина. Бум. Тишина. Это было не просто биение. Это был код. Ритмический сигнал, который перезаписывал его собственную жизнь. Он чувствовал, как мысли путаются, слова теряют смысл. Великая Тишина вливалась в него, вытесняя всё человеческое.

В этот момент дверь за его спиной с лязгом распахнулась. Кирилл вывалился наружу, на грязный бетонный пол технического коридора. Свежий, прохладный воздух ударил в лицо. В коридоре горела тусклая лампочка. Над ним склонились двое: девушка в синем комбинезоне спасателя с мегафоном в руке и высокий седой мужчина в форме подполковника полиции с инструментом для взлома. Их рты открывались, они что-то кричали, но Кирилл ничего не слышал, кроме нарастающего звона в ушах.

— ...слышите? Слышите меня? — прорвался голос сквозь звон.

Это была та самая девушка. Она смотрела на него с тревогой и изумлением. Рядом переминался полицейский.

— Я слышу, — едва выговорил Богомолов. Голос был чужим, хриплым.

— Вы в порядке? Вы ранены? — спросила девушка. — Меня зовут Алиса. Алиса Богомолова. Я ваша дочь.

Кирилл уставился на неё. В памяти всплыли цифры шифра сейфа. 24.17.09. Алиса. Он не видел её семь лет, с тех пор как развёлся с женой и уехал в Москву. Она была совсем девчонкой. А теперь стояла перед ним, взрослая, решительная, с его абсолютным слухом и его фамилией.

— Как ты... — прошептал он.

— Я услышала тебя, — просто сказала она. — Сквозь виолончель. Я не знаю, как это работает, но я услышала твой крик в обертонах струны "до". И приехала. Потом позвонила в полицию, сказала, что ты не выходишь на связь. Но они не хотели вскрывать дверь, пока я не доказала... Пока не включила инфразвуковой передатчик, который ты мне подарил на десять лет. Помнишь? "Слушай тишину", — сказал ты. Я слушала. Я услышала.

Кирилл хотел обнять её, хотел сказать что-то важное, но слова застревали. Он посмотрел на свою левую руку. Пальцы дрожали. На тыльной стороне ладони, там, где проходят вены, проступил странный тёмный узор, похожий на спектрограмму голосового шёпота. Узор пульсировал в такт биению сердца. Он посмотрел на открытую дверь студии. Из неё не доносилось ни звука. Но в проёме, на самом пороге, висело облачко пыли, не решаясь пересечь границу.

Подполковник озабоченно проговорил что-то о скорой помощи. Алиса держала его за руку, за ту самую, с узором, и не видела. А Кирилл Аркадьевич Богомолов, коллекционер тишины, вдруг понял, что тишина из студии не исчезла. Она просто... вышла вместе с ним. И теперь она пряталась не в плёнках и не в динамиках. Она пряталась в нём. И голоса, все те легионы шёпотов, умолкли. Но не потому, что ушли. А потому, что нашли своё «форте». Нашли свой сосуд. И теперь, в этой гулкой тишине казённого коридора, в присутствии дочери и полиции, они терпеливо ждали своего часа, чтобы зазвучать в полную силу. Потому что настоящая симфония ещё не начиналась. Она лишь настраивала инструменты. И первым инструментом было его сердце. Вторым — её голос. А третьим... третьим должно было стать что-то, о чём Тишина лишь злорадно намекнула, прежде чем затаиться:

«Ты спасся? Нет. Ты просто открыл дверь наружу. Спасибо. Этого мы и хотели».

Глава 3. Акустическая тень

Скорая помощь везла их в Боткинскую больницу. Кирилл Аркадьевич сидел на жёсткой скамье, завернутый в серое казённое одеяло, и смотрел в одну точку. Точка находилась на металлической переборке, отделявшей медицинский отсек от кабины водителя. Там, на стыке двух листов металла, проступала тонкая полоска ржавчины, похожая на засохшую кровь. Ритмичная тряска машины, сирена, которую водитель включил для очистки совести, гул мотора — весь этот привычный дорожный шум доходил до него словно сквозь толстый слой ваты. Он слышал звуки, но они были плоскими, лишёнными жизни, будто кто-то выкрутил эквалайзер в положение «ноль» на всех частотах. Зато внутренний резонанс, тот самый, что родился в студии, стал отчётливее. Тишина внутри него обрела структуру.

Алиса сидела напротив, вцепившись в его ладонь обеими руками. Её пальцы были тёплыми, шершавыми — пальцы музыканта, привыкшие к струнам и смычку. Она вглядывалась в его лицо с тревогой, в которой сквозило что-то почти материнское. Странное чувство: дочь, которую он не видел семь лет, теперь заботилась о нём как о беспомощном ребёнке. Подполковник полиции, представившийся Олегом Николаевичем Звягиным, сидел рядом с водителем и периодически оборачивался, бросая на Богомолова цепкие, оценивающие взгляды. Он явно чувствовал: произошло что-то нестандартное, выходящее за рамки бытового заточения.

— Папа, — тихо позвала Алиса, — как ты себя чувствуешь? Доктор сказал, у тебя давление под двести. И пульс какой-то странный.

Кирилл перевёл взгляд на дочь. Её лицо расплывалось, словно отражение в подёрнутой рябью воде. Он попытался сфокусироваться. Алиса. Её Алиса. Та самая девочка, которую он учил различать ноты ветра в печной трубе. Та, которой он подарил инфразвуковой генератор вместо куклы.

— Я в порядке, — солгал он.

Собственный голос прозвучал для него как чревоушание. Где-то глубоко внутри, под диафрагмой, что-то шевельнулось. Не боль. Ощущение присутствия. Словно проглоченный гвоздь. Тишина, сидевшая в нём, была не просто отсутствием звуков. Это был организм. Паразит, свернувшийся клубком где-то в районе солнечного сплетения. Он чувствовал, как она дышит — медленно, размеренно, в такт тому самому инфразвуковому ритму.

«Хорошая девочка, — прошелестело в голове. — Красивая. Абсолютный слух. Жаль, что сосуд уже занят. Хотя... почему жаль? Можно ведь и расширить пространство».

Кирилл вздрогнул и отдернул руку. Алиса испуганно отпрянула.

— Что? Что случилось?

— Ничего. Судорога, — соврал он снова.

Шепот внутри затих, но он знал: это не капитуляция. Это разведка. Они изучают новый ареал обитания. Его дочь. Полицейского. Врачей скорой. Весь мир, который только что стал для них доступен.

В приёмном покое больницы было шумно. Санитары перекрикивались, каталки гремели, где-то плакал ребёнок. Этот шум всегда казался Богомолу какофонией, мучением для абсолютного слуха. Но сейчас он ловил себя на странном, противоестественном желании — ему хотелось, чтобы шума было больше. Чтобы крики, лязг металла и гул голосов заглушили ту, другую, тишину, что жила внутри. Но тишина не глушилась. Напротив, она впитывала внешние звуки, анализировала их, раскладывала на спектры и отбрасывала, как несъедобную шелуху. Она была привередлива. Ей нужны были особые акустические деликатесы.

Его поместили в отдельную палату — Звягин что-то шепнул заведующему отделением, и вопрос решился сам собой. Палата оказалась на седьмом этаже, с окном, выходящим на оживлённую магистраль. Движение на дороге не прекращалось даже ночью, и шум моторов

просачивался сквозь плохо пригнанные рамы, создавая в помещении ровный, монотонный гул. Кирилл лёг на койку, укрылся с головой одеялом и попытался уснуть. Но сон не шёл. Стоило закрыть глаза, как перед внутренним взором вставала спектрограмма. Чёткая, зелёная линия на чёрном фоне. И на этой линии, словно всплески радиосигналов, пульсировали отметки. Каждая отметка — чей-то голос. Каждый голос — личность.

Он начал различать их. Тот, что говорил с ним первым, текучий и вкрадчивый, называл себя Глашатаем. Второй, резкий, металлический, отзывался на имя Скрип. Был ещё низкий, грудной бас, который редко вступал в разговор, но когда вступал, всё остальное смолкало. Его звали Гул. И наконец, та, кого остальные называли Мать Безмолвия, сущность без голоса, одно присутствие. Она не говорила — она излучала волю. И эта воля сейчас была направлена на изучение нового мира, в который они попали благодаря глупости и любопытству Богомолова.

— Зачем вам мир? — спросил он шёпотом, едва шевеля губами.

«Мир — это шум, — ответил Глашатай. — А шум — это пища. Веками мы питались крохами: случайным шёпотом в заброшенных домах, эхом в пещерах, радиационным воем Припяти. Но теперь у нас есть ты. Твой слух — это увеличительное стекло. Через тебя мы можем фокусироваться на любом источнике звука. Высасывать его суть. А когда мы насытимся...»

«Когда мы насытимся, мы сможем звучать сами! — перебил Скрип. — Мы станем независимыми от носителей! Мы заполним эфир!»

«Не сейчас, — тяжело уронил Гул. — Сначала нужно закрепиться. Носитель ещё слаб. Он сопротивляется. Дайте ему привыкнуть. Или...»

Или что? Кирилл напрягся, ожидая продолжения, но голоса смолкли. Он понял: они совещаются. Там, внутри него, идёт консилиум нелюдей, решающих его судьбу. От этой мысли бросило в холодный пот. Он сел на кровати, сбросил одеяло. В палате никого не было. Только за дверью слышались шаги медсестры и приглушённый говор. Обычные, живые звуки.

Дверь приоткрылась. Вошла Алиса. Она держала в руках картонный стаканчик с кофе и бутерброд в пластиковой упаковке. Вид у неё был усталый, но решительный. Та же черта, что у него: врождённое упрямство, помноженное на абсолютный слух и непереносимость фальши.

— Ты не спишь, — констатировала она, присаживаясь на стул рядом с койкой. — Я принесла тебе поесть. Врачи говорят, анализы у тебя странные. Электролиты скачут, кардиограмма как у кита, который ныряет на километровую глубину. Что там произошло, в студии? Ты можешь мне рассказать? Я ведь приехала не просто так. Я слышала тебя. Вот здесь.

Она коснулась пальцем своего виска. Кирилл посмотрел на дочь и впервые за долгое время увидел её не как ребёнка, а как взрослую женщину. Худощавая, с острыми скулами, с тёмными кругами под глазами — виолончелисты всегда выглядят так, будто недосыпают. Но в глубине её глаз светился тот же огонь, что гнал его самого в заброшенные морги и каменоломни. Огонь исследователя. Огонь слушателя.

— Ты неверишь, — сказал он.

— Я услышала твой беззвучный крик в обертонах виолончели за триста километров от Москвы, — возразила она. — Я уже готова верить во что угодно. Рассказывай.

Кирилл помедлил. Где-то внутри предостерегающе заворочалась Тишина. Она не хотела, чтобы он говорил. Она хотела, чтобы он молчал, слушал и подчинялся. Но именно это молчание и было её главным оружием. Если он начнёт говорить, если выведет происходящее в область вербального, в область звука, она потеряет часть своей власти. По крайней мере, ему так казалось.

— Хорошо. Слушай. Но сначала скажи: кто ещё знает о том, что ты слышала?

— Только Олег Николаевич, — ответила она. — Подполковник. Он странный тип. Слишком быстро согласился на взлом. Слишком спокойно отреагировал, когда из подвала, после тридцатичасового заточения, вываливается седой мужик и начинает нести чушь про голоса.

— Тридцать часов? — переспросил Кирилл. — Меня не было тридцать часов?

— Да. Мы приехали утром семнадцатого. А ты заперся, судя по журналу звонков, вечером пятнадцатого. Что ты делал всё это время?

Кирилл сжал виски ладонями. Тридцать часов. Он не помнил и половины. Помнил только плёнку, шёпот, пыль, складывающуюся в фигуру, и этот бесконечный, выматывающий спор голосов, решающих его участь.

— Я слушал, — сказал он наконец. — Я слушал и записывал. И записал то, что не должно было быть записано.

Он начал рассказывать. Сбивчиво, перескакивая с одного на другое, но с каждой минутой всё более связно. Он рассказал об Эшере, о заказе, о двадцати пяти локациях мёртвой тишины. О том, как в Припяти, стоя под колесом обозрения, он вдруг почувствовал, что тишина там не пустая, а населённая. О том, как проявились голоса на плёнке, как они вступали в диалог, как манипулировали им, пугали, обещали, угрожали. И о том, как в самый последний момент, когда дверь уже поддалась, нечто, называющее себя Матерью Безмолвия, вошло в него и осталось.

Алиса слушала молча. Её лицо не выражало скепсиса, только напряжённое внимание. Когда он закончил, она долго сидела неподвижно, глядя на свои руки, сложенные на коленях. Потом подняла взгляд.

— Ты говоришь, у них есть имена? Глашатай, Скрип, Гул и эта... Мать Безмолвия?

— Да. Это не все. Их десятки, может, сотни. Но эти четверо — главные. Они управляют остальными. И они... они во мне, Алиса. Я чувствую их физически. Как глистов.

— Это похоже на акустическую форму одержимости, — задумчиво проговорила Алиса. — В фольклоре разных народов есть упоминания о духах, живущих в эхе, в звуках, в тишине. У чукчей, например, есть поверье о «голосах тундры», которые могут забрать душу охотника, если он ответит им. У алтайских шаманов практикуется «камлание в тишину» — это когда кам входит в транс в абсолютно беззвучном месте и выкрикивает услышанное. Его потом записывают и расшифровывают как пророчества. Но я всегда думала, что это метафоры.

— Я тоже так думал, — горько усмехнулся Кирилл. — Пока они не начали диктовать мне ритм сердцебиения.

Алиса подошла ближе и взяла его за руку, ту самую, с проступающим тёмным узором. Она внимательно рассмотрела линии на коже. Узор напоминал спектрограмму сложного акустического сигнала — пики, провалы, формантные области. Он едва заметно пульсировал.

— Это не рисунок, — сказала она. — Это действующая волна. Я чувствую вибрацию. Частота примерно семь герц. Инфразвук. Он входит в резонанс с альфа-ритмами мозга. На этой частоте у людей возникают галлюцинации, чувство ужаса, паника. Ты, папа, ходячий генератор страха.

— Я знаю. Я чувствую это. Но они не просто пугают. Они... приспосабливаются. Они изучают меня, тебя, всё вокруг. И они ждут чего-то.

— Чего?

Прежде чем Кирилл успел ответить, дверь палаты распахнулась. На пороге стоял подполковник Звягин. Он был без формы — в штатском пальто и мятом пиджаке, но выправка выдавала в нём кадрового военного. В руках он держал прозрачный пластиковый пакет для вещдоков. В пакете лежала катушка с магнитной плёнкой.

— Извините, что прерываю семейную идиллию, — пробасил он, прикрывая за собой дверь. — Но я обыскал вашу студию, Кирилл Аркадьевич. В рамках предварительной проверки по факту незаконного проникновения и причинения вреда здоровью. И нашёл кое-что интересное.

Он бросил пакет на кровать. Кирилл узнал катушку: та самая, с пометкой «Припять. Парк аттракционов. Колесо обозрения. Ночь».

— Вы прослушали? — спросил он севшим голосом.

— Пытался, — Звягин прищурился. — У меня есть доступ к криминалистической аудиолaborатории. Поставил плёнку на воспроизведение. Знаете, что я услышал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.